

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 19-го Сентября 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10094.

БАБОЧКА.

(Миниатюра).

Каржавину было скучно; Каржавинъ хандрилъ; онъ сидѣлъ на дачномъ балконѣ, за холоднымъ стаканомъ чаю, уныло жегъ папиросу за папиросой и уныло смотрѣлъ на косматыя вѣтви ельника, на кривые стволы березъ, на пыльную дорогу за дачной оградой.

Каржавинъ быль старый поконченный холостякъ, на которого махнули рукой рѣшительно всѣ мамаші; жизнь его шла тягуче и монотонно, какъ жизнь на маякѣ, въ лѣсной сторожкѣ или на желѣзнодорожной станціи, гдѣ нибудь въ степной глухи. А, между тѣмъ, по зимамъ Каржавинъ жилъ въ большомъ городѣ, гдѣ улицы пестрѣли народомъ и были цѣлый день наполнены стукомъ копытъ и трескомъ колесъ, гдѣ каждый день въ театрахъ давались спектакли, гдѣ были концерты, балы, вечера. Впрочемъ, известно, что нигдѣ нельзя быть такимъ одинокимъ, какъ въ большихъ

Виконтъ Тераучи.

Японский генераль-губернаторъ Кореи.

венно говорится, когда слушаютъ словья, когда лунная ночь раздражаетъ сердце, и хочется быть влюбленнымъ и любить.

Какъ же случилось это?

Очень просто. Лѣть въ 20 онъ составилъ себѣ идеалъ; среди знакомыхъ женщинъ были интересныя, умныя, даже красивыя, но такъ какъ въ ихъ жилахъ текла простая, горячая, молодая кровь, онъ чуть-чуть сплетничали, кокетничали съ мужчинами, много болтали языкомъ и вообще на идеалъ не походили; были и исключения; двѣ-три изъ нихъ подходили къ идеалу довольно близко, но какъ-то такъ случалось, что, пока Каржавинъ прглядывался и раздумывалъ, являлись болѣе рѣшительные люди, и барышни выходили замужъ. Позже, когда идеалъ расплылся, какъ туманъ на разсвѣтѣ, потухъ, какъ зажженная впотьмахъ спичка, Каржавинъ неожиданно увидѣлъ, что надъ нимъ поставленъ крестъ; мнѣніе, что онъ человѣкъ тяжелый и солидный, такъ прочно установилось, что въ гостяхъ его прямъ сажали за карты, и если бы кто-нибудь предложилъ позвать Каржавина въ кружокъ молодежи, надъ нимъ бы весело и искренно размѣялись.

Каржавинъ былъ самолюбивъ и спрятался со своими мечтами, какъ улитка въ раковину. Такъ и пропала молодость ни за что.

Въ майскіе дни и въ бѣлые ночи, когда до зари пѣль соловей, въ воздухѣ было душно и пахло ароматомъ мховъ и смолой изъ старого лѣса, Каржавинъ начиналъ хандрить; это была хандра безъ опредѣленныхъ причинъ; воображеніе дразнили мечты безъ образовъ; было тяжело и хотѣлось чего то лучшаго; томила грусть, и камнемъ ложилась на душу сѣрая скука...

— Фу, какая тоска!—чуть не въ сотый разъ шепталъ старый холостякъ, сидя надъ холоднымъ чаемъ.

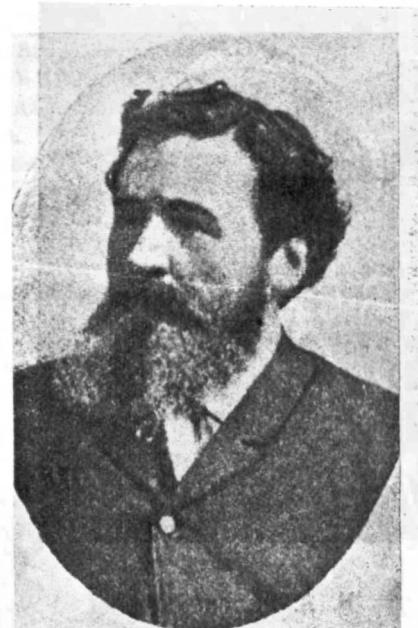
Ступеньки балкона слегка скрипнули подъ чими то шагами; Каржавинъ оглянулся; дѣвушка въ бѣломъ пальто и въ соломенной шляпѣ стояла на балконѣ; дѣвушкѣ было лѣть восемнадцать; сразу Каржавинъ ее не разсмотрѣлъ; онъ увидалъ только блѣдное, тонкое лицико, черные волосы и розоватые блики отъ догорающей зары на ея бѣломъ пальто.

— Что... что вамъ угодно? спросилъ Каржавинъ.

Оказалось, что дѣвушка прислана бѣлошвейкой, которой онъ заказывалъ сорочки; сорочки были готовы, и свертокъ съ ними дѣвушка держала въ рукахъ. Каржавину вдругъ стало безконечно весело, какъ не было весело уже давно.

— Готовы? Отлично, если готовы, сказалъ онъ.

Гостья его смотрѣла случайной залѣтѣвшей въ темный подвалъ бабочкой, которая своими пестрыми кры-

А. В. Романовичъ Словатинскій.

Профessorъ, скончался 25 августа.

В. И. Стульгинский.

Новый начальникъ Южныхъ желѣзныхъ дорогъ.

городахъ. У Каржавина было очень мало знакомыхъ и не было родныхъ. Въ свободное время, по праздникамъ или въ будни, когда онъ приходилъ со службы, Каржавинъ читалъ или лежалъ на турецкомъ диванѣ и думалъ.

Думы у него были скучныя, какъ онъ самъ, какъ его жизнь.

Думалъ онъ о томъ, что ему уже за сорокъ лѣтъ, а сзади ничего, кроме скуки, не было; думалъ онъ о томъ, что ни разу не влюбился, не увлекся ни одной женщиной, не цѣловалъ женскихъ устъ, не слушалъ съ "ней" словья въ майскія ночи, не говорилъ ту чепуху, которая обыкно-

lyшками говорить паукамъ и мышамъ о томъ, что за темнымъ подваломъ есть чудный міръ съ прохладой лѣсовъ и просторомъ полей, быстро бѣгущими по камнямъ ручьями и широкими рѣкамъ, которые катятъ спокойные воды въ отлогихъ берегахъ. И когда старый холостякъ подумалъ, что бабочка можетъ взмахнуть красивыми крылышками и улетѣть, а онъ опять останется съ своей скучой и своими тяжелыми думами, сердце его скжалъ ужасъ.

— Садитесь, пожалуйста, предложилъ онъ робко.

— Благодарю васъ.

Она сѣла и помахала платкомъ въ разгорѣвшееся лицо. А Каржавинъ думалъ о томъ, что нужно сдѣлать,

Артисты Харьковского оперного театра

(дополнение к портретам № 10089).

А. А. Иваницкая.

Т. Р. Тамарина.

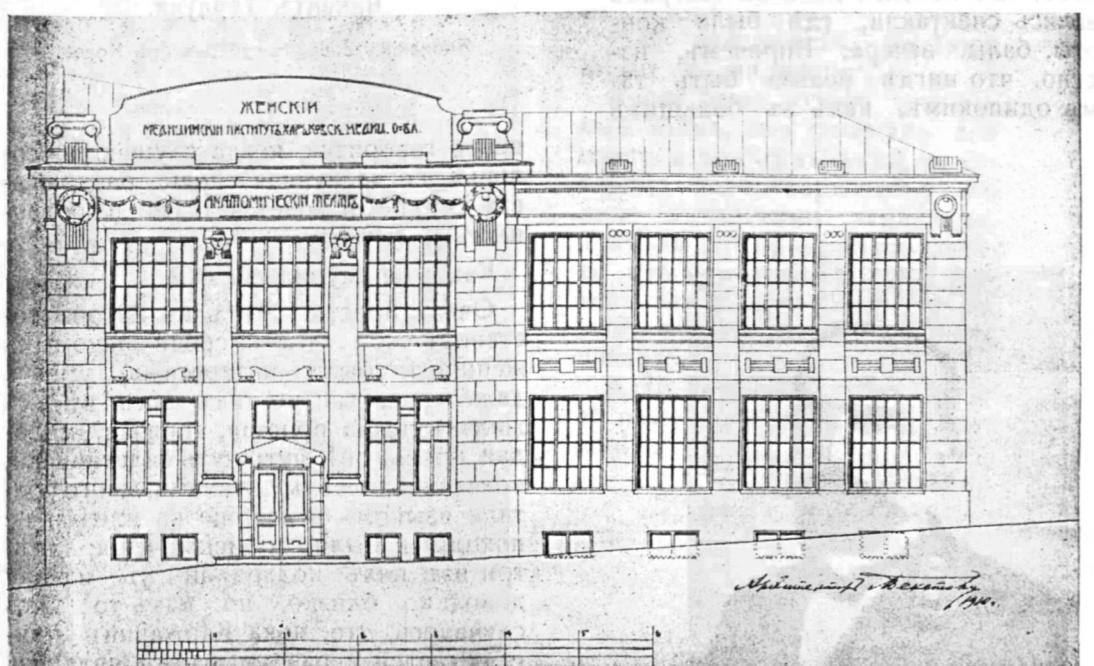

Н. Н. Боголюбовъ.

Главный режиссер оперы.

Н. Л. Честнѣйшій.

Главный фасад медицинского института харьковского медицинского Общества.

чтобы задержать на скучномъ балконѣ эту хорошенкую бабочку, хотя нѣсколько лишнихъ мгновеній, и, наконецъ, въ его головѣ мелькнула планъ, который показался ему недурнымъ.

— Знаете что,—сказалъ старый холостякъ,— я хочу заказать Раисѣ Павловнѣ еще сорокъ; я сейчасъ сообразжу, сколько нужно, а вы погрузите ей передать;

Онъ взялъ свертокъ, двинулся въ комнаты съ балкона, но на полдорогъ остановился и спросилъ:

— Хотите чаю?

Онъ старался говорить вѣжливо, чуть ли не почтительно, какъ будто обращался къ старой, украшенной сотнею добрѣтелей, дамѣ; если бы дѣвушка знала, съ какимъ трепетомъ дожидалась отвѣта этотъ высокій худой господинъ! Но отвѣтъ доставилъ ему еще больше удовольствія, чѣмъ ей предложеніе.

Дѣвушка вспыхнула отъ удовольствія и повторила:

— Благодарю васъ.

Когда минутъ черезъ 10 онъ вернулся на балконъ, самоваръ весело кипѣлъ на скотѣ; дѣвушка стояла у балконныхъ периль и смотрѣла въ садъ.

— Не можете ли вы разливать чай? — обратился онъ къ ней.— Я, сказать по правдѣ, плохой хозяинъ.

Она наклонила голову въ знакъ согласія, такъ какъ въ то время Каржавина ничего нечѣзъ было разслышать, кроме рѣдуши и вѣжливости, разстегнула бѣлое пальто и сняла шляпу; волосы у ней были густые, и Каржавинъ подумалъ, что лучше, красивѣе, болѣе къ лицу ихъ нельзѧ было причесать. Черезъ минуту она уже сидѣла за самоваромъ, распоряжалась чайникомъ, печеньемъ, сливками, сухарями и всѣмъ, что стояло на столѣ.

— Вамъ сладкаго чаю? — спрашивала она.

— Да.

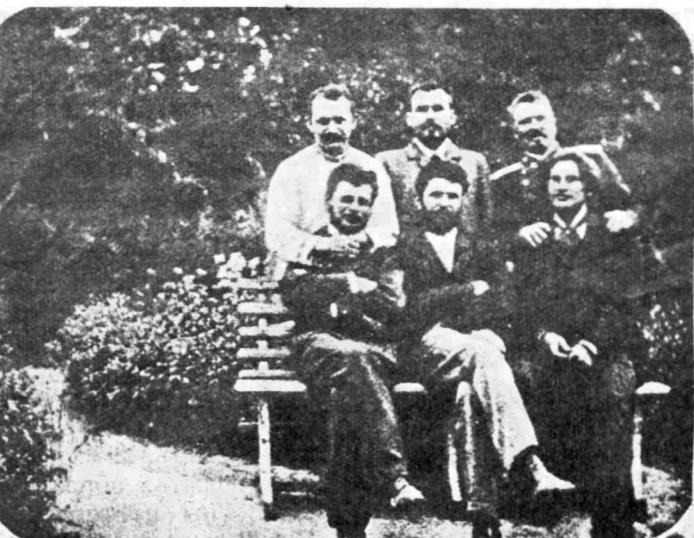
— Три куска?

— Только два. Больше двухъ не нужно.

Счастливая, немного смѣшная улыбка сходила съ ея милаго лица; если ему она напоминала залетѣвшую въ темный полѣвалъ бабочку, то сама дѣвушка никогда еще не хозяйничала за такимъ прекраснымъ столомъ и такимъ красивымъ самоваромъ, не видала такъ много вкусныхъ вещей къ чаю и не пила чай вдвое съ такимъ почтительнымъ господиномъ.

— Позвольте узнать ваше имя? — сказалъ онъ.

Она сконфузилась, вспыхнула; вопросъ засталъ ее врасплохъ; но это продолжалось одно мгновеніе, и голосокъ ея прозвучалъ очень чисто и искренно, когда она отвѣчала:

Основатели Киевского украинского книгоиздательства „Вік“, и въ числѣ ихъ **В. И. Доманицкій** (сидитъ по слѣдній справа), умерший 28 августа въ Аркашонѣ во Франціи. (См. № 10081 „Юж. Кр.“).

Первая женщина-директоръ банка.

Софія Пшіалковська, избранная директоромъ О-ва взаимного кредита въ Радомѣ.

— Меня зовутъ Любовь Андреевна. На самомъ дѣлѣ ея звали Василий; но это имя казалось ей простымъ и некрасивымъ; она думала, что некрасивое имя такъ же можетъ унизить ее, какъ роняетъ хорошенкую женщину кричащий безвкусный костюмъ; ей можно было простить эту ложь, потому что это была пустая, наивная ложь.

А Каржавинъ думалъ: „славное имя Любовь. Если это имя жены, ее можно звать Любя, Любаша. Но Любя лучше. Можно звать и Любочка. Милое имя“. Затѣмъ онъ подумалъ, что видитъ сонъ: милая дѣвушка не швея, случайно зашедшая съ работой, а его жена; онъ вернулся со службы и пить на балконѣ чай; такъ будетъ и завтра, и послѣ завтра, и всегда. Бабочка не взмахнетъ крыльшками и не улетитъ; бабочка будетъ всегда съ нимъ, всегда.

Ни одна мысль изъ тѣхъ, что зовутъ грѣшными, не приходила ему въ голову, и чѣмъ дальше, тѣмъ почтительнѣе онъ смотрѣлъ на свою гостью. Вдругъ... до слуха его долетѣлъ тихій и горький плачь.

Каржавинъ насторожился; у него былъ хороший слухъ, и онъ не ошиб-

ся; плакала на сосѣдней дачѣ надворная советница Вѣрыпаева. Это была дама лѣтъ пятидесяти, высокая, тощая, съ злыми глазами и такой безконечной шеей, которой позавидовалъ бы страусъ; это была мать трехъ начавшихъ увѣдать дочерей, съ руками красными, какъ лапы гусынь, почти бѣлыми бровями и свѣтлыми глазами, въ которыхъ было такъ же мало жизни, какъ въ глазахъ засыпающихъ рыбъ.

— Мы завтра же переѣзжаемъ огосуда, — говорила старая женщина сквозь слезы.

Тихій и робкій голосъ мужа, толстенькаго, ничтожнаго человѣчка, бормоталъ:

— Но послушай же, другъ мой... послушай, Элизъ...

— Нечего Элизѣ! Ступай сейчасъ же и выскажи этому старому развратнику все! Я не могу дышать этимъ воздухомъ. Въ воздухѣ носится зараза! Онъ отправилъ его дыханье,

На вольтижировкѣ Ахтырскаго гусарскаго полка.

Спускъ съ банкета въ 3 аршина.

Крещеніе „новой христіанки“.

На берегу толпа баптистовъ, перемѣшанная съ любопытными. Проповѣдникъ ведетъ новую послѣдовательницу баптиста ма-креціи. Крещемая одѣта въ блѣлое платье, проповѣдникъ въ обыкновенномъ костюмѣ. Они доходятъ до болѣе глубокаго мѣста, гдѣ надѣть новую адѣптою читаются молитвы, и она погружаются трижды въ воду. Толпа на берегу въ это время поетъ псалмы. Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ баптистскихъ общинъ Англии, но такія же сцены наблюдаются и у насъ, на югѣ Россіи.

емъ: онъ дѣлаетъ мерзости у всѣхъ на глазахъ. Посадить за самоваръ дѣвичку, пить съ нею чай на балконѣ, публично... Боже мой. Боже мой! У насъ взрослая дочери! Допустимо ли это? Можно ли это допустить?

Старая женщина зарыдала; Каржавинъ вспомнилъ, что совсѣмъ недавно, въ началѣ лѣта, узнавъ, что онъ не женатъ, она глядѣла на него привѣтливыми глазами, тяжело вздохнула и поблѣднѣла. Прекрасная мечта отлетѣла далеко, и осталась въ сердцѣ только горечь обиды, ничѣмъ не служенной грубой обиды. У него сдавило горло, и онъ не могъ говорить; но, если бы онъ могъ говорить, онъ спросилъ бы съ тоскою:

— За что..

И только пошлость жизни дала бы ему отвѣтъ на этотъ вопросъ.

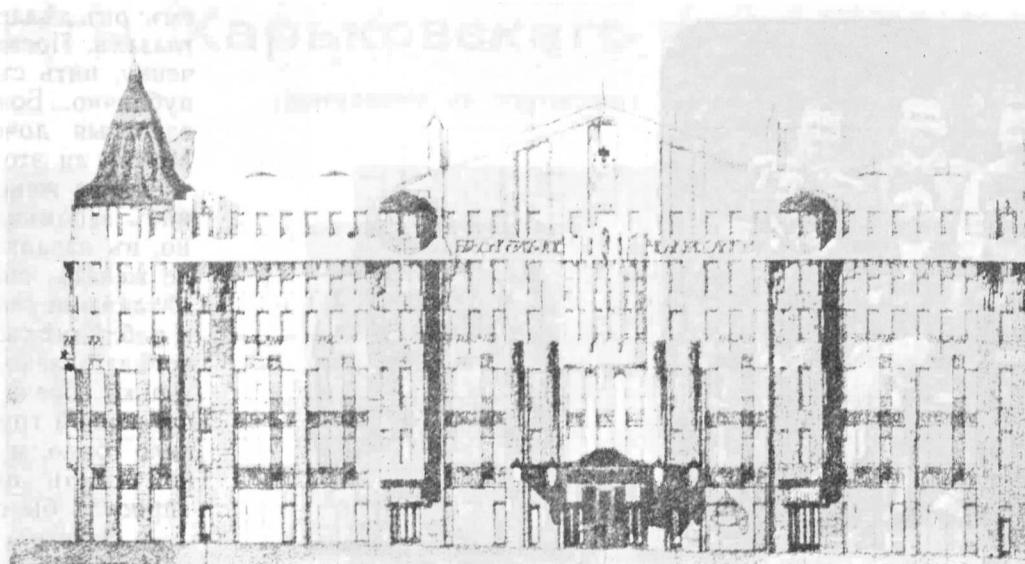
А. Грузинский.

Культура гіацінтовъ.

Сентябрь—сезонъ выписки цвѣточныхъ луковицъ. Начиная съ сентября, нужно сажать гіацінты. При посадкѣ въ горшки треть луковицы должна оставаться непокрытой землей. Размеръ горшковъ зависитъ отъ той цѣли, для которой садятся растенія, такъ какъ количество земли имѣть здѣсь меньшее значение, чѣмъ регулярное и достаточное ея увлажненіе, такъ что при очень маленькихъ горшкахъ необходимо

ходимо, чтобы корни никогда не пересыхали. Пяти-линейные горшки для одной луковицы и шести-линейные для двухъ или трехъ—есть обычная норма. Гораздо эффектнѣе садить отъ 2 хъ до 6 луковицъ вмѣстѣ, и тотъ, кто испыталъ этотъ способъ, не охотно обращается къ прежней одиночной посадкѣ. При употреблении маленькихъ горшковъ, ихъ необходимо зарывать во влажный песокъ, золу, волокна и т. п. материалъ. При посадкѣ почву нужно слегка придавить, но не убивать ее плотно; послѣ посадки горшки нужно выставить, хорошо поливать и уѣдѣться, что почва увлажнена вполнѣ, дабы луковицы не

Новый Городской Купеческий банкъ.

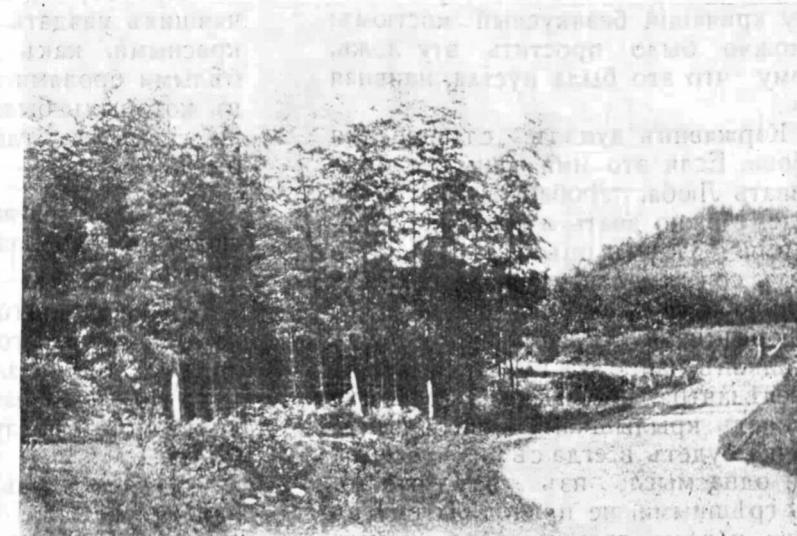
Прилагаемый чертежъ представляетъ фасадъ нового Купеческаго банка, какимъ онъ будетъ по окончаніи постройки, которую предполагаютъ закончить къ осени 1911 года. Фасадъ этотъ, выходящій на Торговую площадь, будетъ снаружи облицованъ естественнымъ камнемъ, подъ цвѣтъ финляндскаго камня (срѣз зеленоватый). Все же зданіе строится изъ желѣзо-бетона. Зданіе будетъ иметь 6 этажей и 7-ой подвальный.

Общій видъ чайного завода и плантаций на Чаквѣ.

получили одностороннаго развитія, что часто случается, когда просыхаетъ сильно убитая почва. Съ другой стороны, если почва недостаточно плотна, корни не могутъ хорошо держаться. Когда почва пропитается водой, луковицы надо покрыть на шесть дюймовъ землею, подъ которой они должны оставаться, пока горшки не заполнятся корнями, а молодые ростки не подымутся на 1 дюймъ надъ землей; тогда землю сбрасываютъ и ставятъ въ прохладное и свѣтлое мѣсто, гдѣ они и должны оставаться до выгонки. Такія растенія, если ихъ поставить въ теплое мѣсто, будутъ давать прекрасные цветы съ декабря до апрѣля; время ихъ расцвѣта будетъ зависѣть отъ времени постановки въ теплое мѣсто. Медленная вы-

гонка должна предпочитаться усиленной гонкѣ. Луковицы, посаженные въ серединѣ сентября, цвѣтутъ около Рождества; посаженные мѣсяцемъ позже зацвѣтаютъ въ мартѣ; чѣмъ больше свѣта и воздуха давать растенію, тѣмъ лучше оно развивается и тѣмъ здоровѣе у него листья. Самый ранній сортъ гіацинтовъ, это такъ называемыя бѣлыя римскія луковицы гіацинтовъ, можно воспитывать также въ водѣ. При воспитаніи въ стаканахъ только основаніе луковицы должно касаться воды; сосуды нужно поставить на время въ темное прохладное мѣсто, пока корни не достигнутъ значительной длины и не будутъ въ состояніи питать растеніе, когда ихъ выставить на свѣтъ; луковицы нужно очищать отъ грязи и подавлять свѣжей

Роща бамбука на р. Чаквѣ.

воды, что дѣлать нужно особенно часто, когда растеніе достигнетъ полнаго роста; въ комнатахъ ихъ нужно держать на окнѣ и въ болѣе прохладныхъ помѣщеніяхъ, но въ морозныя ночи ихъ нужно убирать съ окна; лучше всего имъ давать теплую дождевую воду. При посадкѣ въ грунтъ, гіацинты цвѣтутъ въ апрѣль; ихъ надо сажать, образуя группы цветовъ одного и того же колера и сорта, тогда они особенно эффектны. Они требуютъ легкой, богатой, вполнѣ дренированной почвы, сохраняющей эти качества, по крайней мѣрѣ, на футъ глубины, для чего изъ работки вынимаютъ на эту глубину обыкновенную